

Общественно–политические настроения псковской интеллигенции в 1920–е гг.

Среди других слоев населения наиболее образованной группой всегда оставалась интеллигенция, как сообщество людей, профессионально занимавшихся умственным трудом. По мере усложнения общественно–политических отношений и роста потребностей общества в интеллектуальных силах удельный вес и роль интеллигенции неуклонно повышались. Советская власть, утвердившаяся в стране после Октябрьской революции 1917 г., с первых месяцев своего существования столкнулась с проблемой нехватки квалифицированных кадров, необходимых для выполнения управленческих функций в государственном аппарате, народном хозяйстве, осуществления задач «культурной революции». В этих условиях выход был в привлечении к сотрудничеству с новой властью представителей старой интеллигенции.

«Поле битвы осталось за нами..., но мы должны были взять в руки не только привычный молот..., но войти в былые департаменты, банки, учебные кабинеты, войти в понимание всего сложного государственного механизма в целом и его частях и начать строить новую жизнь, — писал в 1922 г. орган Псковского губкома РКП(б). — Здесь уже оказалось недостаточным то, чем мы богаты — железной энергии и волевого закала; понадобились широкие знания. Широкая образовательная подготовка. В результате пришлось не только мириться, но и дорожить «спецами» с явно буржуазной идеологией, вздыхавшими о прошлом».¹

Особенно остро встала задача привлечения «спецов» с одновременным развертыванием различных форм подготовки новых кадров после окончания Гражданской войны и с началом мирного строительства. Значительная часть старой интеллигенции, будучи патриотично настроенной и руководствуясь идеей служения Отечеству, пошла на сотруд-

ничество с Советской властью, другая же заняла выжидательную позицию, но были и те, кто не принимал новых идеологических установок. Задачей настоящей статьи как раз и стало выявление общественно–политических настроений различных слоев интеллигенции в 1920–е гг. на примере Псковской губернии. Делается это, главным образом, на основе документов Государственного архива новейшей истории Псковской области (ГАНИПО), где основные сведения содержатся в сводках ОГПУ, которые составлялись еженедельно и предназначались для ознакомления руководящих работников губернии. Эти сводки фиксировали конкретные высказывания людей, и очень часто на основании их делались выводы о «благонадежности» тех или иных групп интеллигенции. Чувствуется, однако, что выводы сотрудниками ОГПУ делались порой тенденциозно, нередко менялись, но тем не менее, повторявшиеся из недели в неделю, из года в год выводы могут служить источником сведений об отношении интеллигенции к Советской власти и проводимым ею мероприятиям. Аналогичная информация содержится и в других документах — информационных письмах, докладных записках, но в отличие от сводок ОГПУ они составлялись эпизодически и приурочивались к определенным кампаниям. Из документов Государственного архива Псковской области (ГАПО) использованы материалы губернских съездов Советов, а также многочисленные анкеты, характеристики и автобиографии конкретных людей, где неизменно были пункты: «Ваш взгляд на современную эпоху» и «Отношение к Советской власти и РКП(б)».

Интеллигенция всегда была и остается очень неоднородным слоем — не только вследствие различной профессиональной занятости, но и потому, что формируется из представителей разных социальных групп. Показательны, например, данные Псковского губстатотдела 1926 г., согласно которым учительство (наиболее многочисленная группа интеллигенции губернии) по социальному

Гребень Екатерина Николаевна — выпускница исторического факультета ПсковГУ (2012 г.)

происхождению подразделялось следующим образом: 2,6% происходили из семей рабочих, 34,4% — из крестьян, 21% — из служащих, 3,9% — ремесленников, 2,8% — торговцев и промышленников, 5,3% составляли лица «свободных профессий», 3,9% — «прочие», а 26,1% своего социального происхождения не указали. При этом в группе «из служащих» значительную долю составляли выходцы из семей чиновников, дворян и духовенства, а в «крестьянской» группе — из зажиточных слоев деревни. Еще более «крестьянским» по происхождению был состав специалистов сельского хозяйства — 65,5%, в то время как рабочих среди них было только 4%, и немалую долю составляли выходцы из мещан, чиновников, дворян и духовенства — 30,5%.²

Промышленное положение края в 1920–е гг. по сравнению с дореволюционным почти не изменилось. Промышленность, слабо развитая до революции, сильно пострадала в годы интервенции и Гражданской войны, и первая половина 1920–х гг. представляла собой процесс достижения довоенного уровня производства, что удалось достичь в 1926 г. Поэтому и роль технической интеллигенции в губернии была невелика. По данным на 1927 г., «основное ядро интеллигенции в губернии составляло учительство — 3398 чел., затем — работники Наркомздрава — 1084 чел., специалисты сельского хозяйства — 591 чел., и инженерно-технический персонал».³ Несколько большей была доля ИТР на железнодорожном транспорте.

Основную группу интеллигенции в губернии составляли учителя, численность которых в 1920–е гг. увеличивалась: открывались новые школы, особенно I ступени, ставилась задача охвата в перспективе обучением всех детей школьного возраста, развернулась подготовка новых кадров в нескольких педагогических техникумах. Готовились новые специалисты и в учебных заведениях сельскохозяйственного профиля. В 1920–е гг. наблюдался быстрый рост сети культпросветучреждений (клубов, народных домов, изб-читален), что повлекло увеличение категории занятых в них работников. Росла и сеть медицинских учреждений, а следовательно, — число лиц медицинского персонала.

Подавляющая масса интеллигенции приняла Советскую власть и продолжала трудиться на благо Отечества. Значительно проще это оказалось сделать технической интеллигенции, медикам и специалистам сельского хозяйства, и гораздо труднее — представителям гуманитарной интеллигенции, особенно учителям — преподавателям гуманитарных дисциплин: программы обучения и содержание курсов коренным образом менялись, и далеко не всем удавалось перейти на новые идеологические позиции. К тому же Советская власть и правящая Коммунистическая партия считали учительство важнейшим инструментом реализации своих программных установок, и к подбору учительского персонала подходили с особой тщательностью, особенно преподавателей «идеологических» дисциплин (например, нового курса «обществоведение»). Но именно гуманитарная интеллигенция наиболее критично оценивала происходящее в стране и на местах: от ее представителей чаще всего и исходили критические высказывания. Нередко их провоцировала сама власть, питавшая недоверие и подозрение к «бывшим». Так, в одной из сводок ОГПУ 1923 г. отмечалось: «За последний период времени стал замечаться перелом интеллигенции в сторону Советской власти, к чему, конечно, приходится осторожно присматриваться и ориентироваться в обстановке подобного рода».⁴

По мере упрочения Советской власти, укрепления внутривластного положения страны и пополнения рядов интеллигенции новыми кадрами настроения ее менялись, хотя и не являлись по отношению к новой власти однозначно одобрительными. Так, в сводке ОГПУ 1924 г. по Новоржевскому уезду подчеркивалось: «Среди интеллигенции замечаются определенные сдвиги в сторону Советской власти... Этот сдвиг усиливается еще тем, что на местах как среди учителей, так и землемеров, и агрономов прибывают все новые и новые свежие силы из комсомольской среды».⁵ И почти тогда же начальник губотдела ОГПУ А. С. Невернов в одном из докладов сообщал: «Теперь я хотел остановиться на учительстве, которое должно служить проводником наших идей... Ника-

кого сдвига нет... Сорок процентов учительства являются... сыновьями поповщины, которая отличается большей реакционностью. Эта поповщина является как раз приводным ремнем психологии наших врагов. Здесь мы должны один из ремней отрубить. Мы потеряем, правда, количественно, но такие эксперименты были у нас в отношении ВУЗов, среди которых была проведена безжалостная чистка, от этого мы не проиграем, а только выиграем».⁶

Нередко отмечалось, что такого рода настроения не были единичными, а власть по-прежнему объясняла их неудовлетворительным состоянием рядов учительства, например: «Учительство в сельских школах на 70% не соответствует своему назначению, как не усвоившее методов преподавания в Единой Трудовой школе, несмотря на проводимые с ними курсы... В отношении интеллигенции приходится остановиться главным образом на учительстве, каковое на 25% является сторонниками Советской власти, 50% относится безразлично и 25% враждебно, коим чужда не только Советская власть, но и принципы Трудовой школы».⁷

Власть старалась постоянно подчеркивать неоднородность рядов интеллигенции, т. к. каждая ее группа являлась, по ее мнению, носителем разных настроений. В одном из закрытых писем на имя секретаря Псковского губкома РКП(б) П.И. Струппе (1923 г.) интеллигенцию, например, делили на несколько групп: «1) Совершенно пассивная к Соввласти — настроенная обывательски; 2) Сочувствующая Соввласти; 3) идущая навстречу ее запросам; 4) либерально-кадетствующая; 5) воспринимающая вопросы строительства критически с антисоветской точки зрения; 6) имеющая в прошлом общее с антисоветскими партиями». «Две последние группы, — по мнению писавшего, — следят за экономическими и политическими проявлениями в СССР».⁸ Два года спустя (1925 г.) дифференциацию интеллигенции подчеркивал и губотдел ОГПУ, предложив более упрощенную ее классификацию, но почти с такими же оценками: «1) Открыто и непосредственно работающая с партией; 2) колеблющаяся; 3) терпимая по отношению к власти, не противодействующая».⁹

Властные и силовые структуры правомерно связывали настроения интеллигенции с её материальным положением, на что, например, указывал губотдел ОГПУ по отношению опять же к наиболее массовой её группе — учительству: «Учительство вообще является массой деклассированной, в большинстве своем буржуазной, непролетарской. К Советской власти настроено нелояльно, но смирилось как с фактом. Колебание в настроении зависит от материальной обеспеченности».¹⁰ Как бы в подтверждение и развитие сказанного в другой сводке ОГПУ 1923 г. говорилось о недостатке и даже уходе из школ работавших учителей «ввиду материальной необеспеченности», и подчеркивалось, что «если в ближайшее время не будет улучшено материальное положение школьных работников, то много школ останутся без педагогов». Особенно плачевным было состояние сельских учителей, «которым пришлось терпеть десятимесячную невыплату содержания».¹¹

Начало 1920-х гг. оказалось в жизни страны трудным временем, материальные затруднения испытывало все население, а интеллигенция особенно. Но факты неблагоприятного положения учительства отмечались даже в 1927 г., когда восстановительный период в основном закончился. Теперь учителя чаще всего жаловались на более низкую заработную плату по сравнению, например, с рабочими, на перегрузку их учебными занятиями и общественной работой. Вот, например, отдельные высказывания работников образования губернии того времени: «Нашего заработка не хватает» (Невельский уезд), «Нам, учителям, никто не помогает, хотя и живем мы впроголодь» (из выступления учителя Шишкина на волостной конференции в Новоржевском уезде), «В старое время с учителя спрашивали меньше и дергали нашего брата меньше, а платили куда лучше теперешнего» (учителя Опочецкого уезда Суетов и Ипполитов), «Другие служащие ничего не делают и хорошо зарабатывают, а учителей за каторжный труд с дикой и грубой массой угощают посулами» (учительница Великолукского уезда Зимницкая).¹²

В аналогичном положении находились медицинские работники, но некоторые из них, в отличие от учителей, пытались улуч-

шить свое положение путем незаконных действий, что, естественно, вызывало осуждение власти. Так, в одной из сводок ОГПУ записано, что ряд медицинских работников «замечены во взяточничестве, незаконном производстве абортных и в грубом бюрократическом отношении к пациентам», а в другой сводке отмечалось, что «взятки, растраты... наблюдаются преимущественно среди врачей, землемеров и работников лесного хозяйства».¹³

Работники лесного хозяйства находились по сравнению с другими категориями работников в лучшем положении, т. к. имели возможность беспрепятственной заготовки дров, сбора даров природы и др., хотя и здесь не все обстояло благополучно. Например, лесничий Соболевский говорил о том, что «вопрос о повышении заработной платы необходимо поднять перед центром, а в крайнем случае пусть хотя бы выдают спецодежду».¹⁴

Такого рода высказывания являлись результатом серьезных проблем, связанных с материальной необеспеченностью, различного рода злоупотреблениями, ненадежностью отношений властных структур с интеллигенцией. Особенно это было характерным для старых специалистов, часть которых по-прежнему не принимала новой власти и ее нововведений. Так, учительница Тимофеева, жалуясь на «недостаточные свободы», открыто заявляла, что ей «этот строй опротивел, и она ненавидит коммунистов и комсомольцев, и не допустит, чтобы они развращали детей своими пионеротрядами». Не принимала часть учительства и новых методов обучения и воспитания, выражая недовольство тем, что их «заставляли пользоваться комплексными методами, от которых народное образование не улучшалось, а гнило». Они хотели, чтобы «каждый учитель пользовался тем методом, который для него удобнее» (Холмский уезд).¹⁵

Отдельные представители интеллигенции в 1920–е гг. все еще питали надежды на возврат к прошлому, хотя эти настроения и не являлись всеобщими: они велись «в своем замкнутом кругу», и «никакой провокационной работы антисоветского элемента пока не замечалось».¹⁶ Неоднозначные оценки в сре-

де интеллигенции вызвала, например, смерть в январе 1924 г. В. И. Ленина, на что обратили внимание сводки ОГПУ. «В низших школах учительство поясняет детям смерть Ленина как громадную потерю и неопишущую скорбь мирового пролетариата», — отмечалось в одной из них. В другой же сводке учителей разделили по их оценкам относительно смерти Ленина на группы: 1) учителя-обыватели «приходили в ужас, говоря, что это обстоятельство вызовет перемены в одну или другую сторону»; 2) скрытые контрреволюционеры «видели утерю великого русского человека, который ценил и покровительствовал русской интеллигенции», «в лице тов. Ленина контрреволюционный элемент видел Великого Мыслителя, на котором зиждилась вся жизнь Республики», «контрреволюционный элемент кончине тов. Ленина очень рад и строит всевозможные утешающие их предположения, как то: без Ленина коммунистам государственным аппаратом не управлять, ибо еще при жизни Ильича, но бездействии его как больного, в партии произошел раскол, который они видят во внутривнутрипартийной дискуссии. Далее, контрреволюционное население распускает слухи, что тов. Троцкий не у дел, в силу не то ареста, не то эмиграции за границу, в связи с чем русская белогвардейщина, находящаяся за границей, воспользуется моментом и весной во главе с коронованным на русский престол Великим Князем Николаем Николаевичем поведет победоносное наступление. Не видно никакого траура в Институте Народного образования, где во время перерывов между лекциями воспитатели танцуют, поют песни и веселятся; объясняется это тем, что педагогический состав ИНО, состоящий преимущественно из закоренелой интеллигенции, если не рад смерти Ленина, то, во всяком случае, пассивен к ней». В другой раз ОГПУ подчеркивало, что «кончина тов. Ленина среди высшей интеллигенции вызвала скрытое ликование и надежду на возможность реставрации капиталистического строя»; 3) «мелкое» учительство встретило смерть Ленина «глубоким траурным настроением и искренним сожалением дорогого для революции человека», «среди школьных работников совершенно не было подмечено злорадствующих элементов по поводу кончины Ильича...».¹⁷

Относительно оценки представителями интеллигенции перспектив развития страны без Ленина ОГПУ в одной из сводок за март 1924 г. отметило: «Что касается служащих и закоренелой интеллигенции, то у последних кончина Ильича вначале породила надежду на возможность реставрации капиталистического строя, но в настоящее время успехи в хозяйственной жизни страны, денежная реформа и прочее — эту названную надежду выжили из чуткого к нашим неудачам ума антисоветского элемента».¹⁸ В то же время сводка зафиксировала и более жесткие высказывания: учитель В. Н. Клепиков, например, говорил, что «является сторонником коалиционного правительства», «выражал уверенность, что Советская власть есть явление временное», «утверждал неизбежность развала РКП(б) в связи с выступлением Троцкого в «Уроках Октября», т. к. «интеллигенция почему-то думает, что вся Красная Армия на стороне тов. Троцкого и по первому зову пойдет за ним».¹⁹

Помимо оценок личности В. И. Ленина, олицетворявшего собой новую власть, интеллигенция имела свои суждения о политической жизни страны в целом: «Более лояльные к Советской власти интеллигенты в разговорах указывали на необходимость приспособить коммунистические идеалы к теперешним крестьянским идеалам, дабы сохранить и противопоставить в нужный момент свою силу силе извне, по их мнению — если это не будет сделано, то революция и социализм погибнут на долгое время» (сводка ОГПУ 1923 г.).²⁰ Не остались без внимания интеллигенции и решения XIV съезда ВКП(б), который взял курс на проведение индустриализации страны — важнейшей задачи в деле построения социализма в отдельно взятой стране. Некоторые ее представители считали, что у руководства страны нет конкретного плана даже на ближайшие годы, не говоря уже о более отдаленной перспективе: «Наше правительство говорит о плане, а на самом деле никакой плановости нет» (учителя Лазарев и Разлетовский), «Мы разрабатываем планы на 5–10 лет вперед, а сами сидим голые и без хлеба» (бухгалтер ГубЗУ Тепляков).²¹ Но особенно интересовала людей вспыхнувшая на съезде дискуссия, выступление представителей оппозиции и их судьба. «Центральный

Комитет все равно раздавит оппозицию», — говорил, например, учитель Торопецкого уезда Шпаков. Однако значительно большая часть, наоборот, считала, что свобода мнений должна стать обычным явлением и поможет выработать правильную линию. «Дискуссия несомненно приведет к свободе мнений, т. к. новые мысли среди партийцев не станут же подавлять силой, следовательно, и беспартийным гражданам будет позволено высказывать свое мнение», — говорил псковский учитель В. Я. Разлетовский.²²

Беспокоил интеллигенцию и возможный в результате вспыхнувшей дискуссии раскол в партии, на что мнения тоже были неоднозначными. Учитель Гаврилов, например, возможность раскола вполне допускал и предсказывал даже судьбу оппозиции: «Так как в партии пошли разногласия, теперь начнутся репрессии в отношении беспартийных, которых они считают не совсем надежными, ибо — где пань дерутся, там у холопов перья летят. Партии не удастся сохранить единства, рано или поздно произойдет раскол». А его коллега Столяров напротив полагал, что «раскол в партии едва ли может произойти, так как громадная масса партийцев в провинции своего мнения не имеет и всегда будет с ЦК».²³ Следовательно, как отмечалось в одном из докладов, «среди интеллигенции определенного мнения по поводу съездовской дискуссии нет. Среди учителя Невельской школы II ступени идут разговоры, что разногласия на съезде вызовут определенный раскол в партии... Большинство интеллигенции все-таки такого мнения, что больших опасностей для партии, а тем более раскола для партии дискуссия не принесет, потому что об этом свидетельствуют несколько партийных разногласий, имевших место ранее».²⁴

Решения XIV съезда ВКП(б) породили разные мнения относительно перспектив развития страны. Некоторые из учителей были солидарны с оппозицией, считая, что для построения социализма в СССР нет соответствующих условий. «Едва ли в нашей стране возможно построить социализм. Что-то не верится», — говорила учительница из Цевельской волости Великолукского уезда. В Порховском уезде высказывались еще откровеннее: «Нельзя построить у нас социализм».²⁵

С упрочением Советской власти в среде интеллигенции все меньше оставалось людей, надеявшихся на возврат к прежним порядкам. Изменение таких настроений подчеркивали и сводки ОГПУ: если в 1921–1922 гг. оно было в целом «удовлетворительным», в 1923 г. имелись «лишь отдельные личности, которые были не согласны с существующими порядками, но таковые активной деятельности не проявляли», то в 1924 г. оно было «в целом хорошее». Имевшие же место отдельные факты проявления недовольства и неодобрительных высказываний о Советской власти органы ОГПУ по-прежнему объясняли тем, что многие представители интеллигенции происходили из «чуждых классовых групп», и перестройка их настроения проходила чрезвычайно медленно.²⁶

Несмотря на то, что замена продрозверстки продналогом в связи с переходом к НЭПу напрямую интеллигенции не касалась, она тем не менее имела свое мнение на политику в отношении деревни. Особенно критично она оценивала некоторые издержки НЭПа и трудности, возникавшие в процессе ее реализации: «кризис сбыта» 1923 г., ограничение аренды земли, применения наемного труда и др., что прослеживается по отдельным высказываниям. «Неправильный подход к крестьянству в условиях НЭПа, — говорил, например, сельский учитель Никитин. — На крестьянина ЦК обращает теперь особое внимание, крестьянин это видит... Если будет к нему столько внимания и впредь, он не перестанет своевольничать и не слушаться партии». А вот другие высказывания: «Советская власть сама напугала крестьянство войной, и поэтому деревня придерживает у себя хлебные излишки», «Наша центральная власть слишком много кричит о войне, а это обстоятельство напугало крестьянина, и в результате крестьяне придерживают излишки хлеба и на рынок не вывозят, а крестьянство потребляющих губерний бросилось заготавливать запасы. Этому страху поддался и городской обыватель» и т. п.²⁷ Учитель Павлов коснулся такого мероприятия Советской власти, как введение монополии внешней торговли: «Монополия внешней торговли поставила рабочих вне конкуренции, они теперь могут сколько угодно лодырничать и лодырничают, как угодно плохо работать и какие цены на-

кладывать. Это кабала для крестьянства. Это будет сходить только до поры до времени. Крестьяне узнают все. У крестьянства уже глаза раскрываются».²⁸

И все же основная масса интеллигенции надеялась на благоприятные перспективы развития страны и, примирившись с существованием Советской власти, связывала надежды с ней. «Только Советская власть и её руководитель — партия ВКП(б) могут вывести рабочий класс из-под гнета капитализма», — считал, например, заведующий Наумовской сельскохозяйственной школой М. С. Силезион. А преподаватель Великолукского педтехникума И. С. Рутковская была убеждена, что «в будущем условия жизни для всего населения изменятся к лучшему», как и учитель А. С. Семенов, выразивший надежду, что «близко время, когда под влиянием восстановления промышленности и хозяйства Россия встанет на ноги».²⁹

В анкетах, заполняемых при поступлении на работу или во время проводившихся аттестаций работников, в графе «Ваш взгляд на современную эпоху» большинство представителей интеллигенции записывали так: «переход от капиталистического строя к социализму», «новый этап в движении человечества по пути прогресса», «эпоха укрепления и мощи СССР и эпоха ожесточенной борьбы революционного пролетариата с капиталом в капиталистических странах», «уничтожение капитализма, с раскрепощением труда от власти капитала и переход к коммунизму», «время нового рабоче-крестьянского правительства», «эпоха крупных социальных изменений», «крушение старого мира» и т. п.³⁰ Встречаются и более смелые высказывания, как и чрезвычайно оптимистические: «Данная эпоха — светлая с политической стороны, но крайне тяжелая с материальной», «В России громадный сдвиг в сторону социализма не только формами, но и глубже, всем мирозерцанием, всей психологией населения».³¹ И опять, как и во всех предыдущих случаях, мнение это не было всеобщим.

Встречаются, хотя и нечасто, мнения в анкетах относительно перспектив НЭПа. Советская власть провозгласила, что НЭП — это «всерьез и надолго», но эту установку разделяли далеко не все. Посчитал же, например,

учитель Славковской школы И. П. Карлов, что «НЭП — это временная уступка, которая рано или поздно изживется».³²

Подавляющее большинство интеллигенции Псковской губернии оставалось беспартийной. И не только потому, что для нее существовали при приеме в РКП(б) сильные ограничения, но и по тем причинам, что учителя, врачи, служащие не желали вступать в партию по идейным соображениям, связывать себя партийной дисциплиной, хотели в полной мере выполнять лишь свои профессиональные обязанности. Врач Г. В. Трифонов, например, так объяснил свое беспартийное положение: «Всецело признаю решения

РКП(б). В остальных вопросах слабо разбираюсь, вообще к политической деятельности не чувствую себя способным, а потому я беспартийный».³³ А преподаватель Псковского сельскохозяйственного техникума С. И. Желзняк с откровенной прямоотой записал, что «в партию большевиков записано много нежелательных людей, и очень мало честных идейных работников».³⁴ При этом, несмотря на критичные оценки представителей власти, членов правящей партии и их мероприятий, подавляющая часть представителей интеллигенции Псковской губернии честно и самоотверженно трудилась, отдавая свои силы и знания делу строительства новой жизни.

Примечания

- 1 Известия Псковского губкома РКП(б). 1922. № 18. С. 3.
- 2 ГАНИПО. Ф. 1. оп. 3. д. 993. лл. 2–3.
- 3 Там же. Л. 2.
- 4 ГАНИПО. Ф. 1. оп. 1. д. 323. л. 122.
- 5 ГАНИПО. Ф. 1. оп. 1. д. 346. л. 272.
- 6 ГАНИПО. Ф. 1. оп. 1. д. 332. л. 201.
- 7 Там же. Д. 346. лл. 171, 204.
- 8 Там же. Д. 345. л. 73.
- 9 Там же. Д. 387. л. 15.
- 10 Маркова М. Т. Псковское учительство в годы НЭПа // Земля Псковская, древняя и современная: Тезисы докладов... Псков, 1993. С. 51.
- 11 ГАНИПО. Ф. 1. оп. 1. д. 322. л. 136; д. 323. л. 90.
- 12 Там же. Д. 460. лл. 62–64.
- 13 Там же. Л. 385. лл. 20–21; д. 460. л. 65.
- 14 Там же. Д. 460. л. 63 об.
- 15 Там же. Лл. 62–64.
- 16 Там же. Д. 304. л. 23.
- 17 Там же. Д. 346. лл. 82, 84–85, 90, 105.
- 18 Там же. Л. 136.
- 19 Там же. Д. 394. лл. 28, 29.
- 20 Там же. Д. 322. л. 33 об.
- 21 Там же. Д. 460. лл. 67–68.
- 22 Там же. Д. 385. лл. 271–272.
- 23 Там же. Д. 469. л. 64; д. 385. лл. 271–272.
- 24 Там же. Д. 385. лл. 271–272.
- 25 Там же. Д. 469. л. 65.
- 26 Там же. Оп. 3. д. 993. л. 10.
- 27 Там же. Оп. 1. д. 460. лл. 67–68.
- 28 Там же. Оп. 3. д. 993. л. 7.
- 29 ГАПО. Ф. 590. оп. 2. д. 122. лл. 432–433; д. 95. лл. 29–31, 57–60.
- 30 Там же. Д. 95. лл. 1–3, 5–7, 105–107, 395; д. 122. лл. 410–411, 418–420, 458–460.
- 31 Там же. Д. 95. лл. 85–88, 101–104.
- 32 Там же. Лл. 93–96.
- 33 Там же. Д. 121. л. 230.
- 34 Там же. Д. 122. лл. 450–452.